

Daalder J. Wallace's Geographic Metafiction // The Cambridge Companion to David Foster Wallace. Cambridge University Press, 2018. P. 220–234.

Freudenthal E. Anti-Interiority: Compulsiveness, Objectification, and Identity in Infinite Jest // New Literary History. 2010. Vol. 41 (1). P. 191–211.

Hering D. Oblivion // The Cambridge Companion to David Foster Wallace. Cambridge University Press, 2018. P. 97–110.

2.7. Книга стихов для детей Анатолия Пшеничного «Почему у божьей коровки пятнистая спинка?»: жанрово-стилевые параметры.

Книга «Почему у божьей коровки пятнистая спинка?» Анатолия Пшеничного, поэта-песенника, автора многих поэтических сборников и нескольких книг для детей, объединяет стихотворения, разворачивающие живописную панораму жизни дошкольника. Автору интересен и понятен ценностный крутозор ребенка, он умеет наглядно и ярко показать обстоятельства детского существования, потому что способен перевоплощаться и эмпатически сближаться с персонажами. Поэтический стиль книги отличается ясностью, простотой и вместе с тем образной убедительностью. Сюжетные реалии и психологически достоверные привлекательные характеры располагают малышей к доверию. Почти все стихи уже печатались ранее, но теперь, будучи объединенными под одной обложкой, образовали некое новое единство и заиграли выразительными смысловыми возможностями. Каковы же опоры художественной изобразительности, и в чем секрет цельности и органичности книги?

Прежде всего отметим, что мир детства, изображенный в книге, существует в атмосфере домашнего уюта, комфорта и благорасположенности окружающих людей. Это атмосфера идиллии. Ничто не омрачает течения жизни ребенка, предоставленного приятному времяпрепровождению, увлекательным занятиям и играм. У него есть любящие мать и отец, брат или сестренка (удачные иллюстрации, выполненные Любовью Семеновой, поддерживают и развивают идеи полноформатности состава семьи и гармоничности родственных отношений). Мама занимает центральное место в хронотопе

семьи и дома: посвященным ей стихотворением открывается книга. Смысловое наполнение образа раскрывает метонимия: свет любви матери символизируют ямочки на ее улыбающихся щеках: «В каждой ямочке по солнцу / И сияет и блестит» [Пшеничный, с. 3]. Солярная природа материнского облика дополняется указанием на карнавалльно-праздничную ее составляющую: «Как на елке лампочки, / Светят эти ямочки!» [Там же]. Мама не только излучает душевное тепло, создает необходимое ощущение благополучия, но и поддерживает веселое и радостное настроение в семье. При этом сохраняется извечная ее функция питания и пестования детей, поскольку умоляющие «не выключать ямочки» дети делают это не иначе как во время завтрака.

Если образ мамы вырастает в контексте гимнически-мадригальных жанровых импульсов, то в стихах, где изображен и действует отец, просматриваются следы дидактических жанров наставлений, поучений, познавательных реляций. Папа в книжке Пшеничного связан с мотивами похода на природу, в лес («За грибами»), а также просветительскими и образовательскими и мероприятиями («Что я в садике забыл?»). Он обучает ребенка правилам хорошего тона, воспитывает и наставляет сына.

Вторым после стихотворения о маме в книге идет стихотворение «Мизинчик», развивающее мотивы дружбы, миролюбия, слаженного взаимодействия, свойственные идиллическому хронотопу домашнего общежития: «Кто обижен, / Кто обидчик, / Повернись друг к другу! / Подавай — / Сперва мизинчик, / А потом — / Всю руку! / — Мир, мир, / Навсегда / Будем вместе? / — Да, да, да!» [Там же, с. 4–5]. Жанровая конструкция здесь с очевидностью восходит к фольклорному жанру детских мирилок: «Мирись, мирись, мирись / И больше не дерись. / А если будешь драться, / Я буду кусаться. / А кусаться нам нельзя, / Потому что мы друзья». На рисунке, сопровождающем текст стихотворения «Мизинчик», нарисованы мальчик и девочка, сцепившие свои мизинцы в ритуальном жесте единения и нерушимой дружбы. Отметим, что здесь, как и в целом в книге, иллюстратор последовательно проводит идею гендерного равновесия. Разнополые дети везде изображены веселыми, довольными, как правило, улыбающимися, со здоровым румянцем на щеках. Все эти детали

поддерживают и развивают мысль об изображенном мире как мире счастливого безоблачного детства.

Третье стихотворение книги вводит тему детских игр и развлечений: «С обезьянкою Мари / Мы пускали пузыри. / Тут слонёнок подошёл, / Рядом сел на тумбочку. / Вот слонёнку хорошо — / Ему не надо трубочку!» [Пшеничный, с. 6]. Жанровая сценка удачно объединяет детей и столь любимых ими зверят. Уменьшительно-ласкательные формы обозначения персонажей (обезьянка, слоненок) подчеркивают, что перед нами именно детеныши, а не взрослые особи животных.

Пространство совместных со зверятами игр, отдаленно напоминающее цирковое представление (слоненок на тумбочке, обезьянка, пускающая разноцветные пузыри), в следующем стихотворении, с одной стороны, конкретизируется, сужаясь до дачной местности («Оркестр на даче»), с другой — приобретает карнавально-сказочное и театральное наполнение. Героями здесь становятся насекомые, превращающиеся в фантастических оркестрантов: улитка оказывается трубачом, майский жук становится контрабасистом, а кузнечики — скрипачами. Концептуально значимым является указание на преобразующую силу искусства: «Вынув нотные тетрадки, / Разложили их на грядке, / А потом сыграли так — / Что расцвел до срока мак! / Высох дождик на горошке! / А у нас — болят ладошки!» [Там же, с. 8]. Стихотворение оригинально выстроено в виде театрального режю, в котором после описания каждого выхода на сцену музыканта следует реплика-комментарий, напоминающая закадровый авторский голос: «Но это еще не самое странное (повторяющиеся варианты сопровождаются определениями “удивительное”, “замечательное” — *И. В.*)» [Там же, с. 7–8], а все шоу завершается нарочито трезвой итоговой констатацией: «А самое странное, самое удивительное и замечательное то, что мы — никого не вызывали!» [Там же, с. 8]. Это нежелание признать случившееся действительностью парадоксальным образом подчеркивает реальность происходящего фантастического спектакля.

Если персонажи стихотворения «Оркестр на даче» напоминают героев-инсектов знаменитой «Мухи-цокотухи» Чуковского, то персонажи стихотворения с длинным названием «Почему у божьей коровки пятнистая спинка?» вызывают в памяти «Айболита». Бабоч-

ка-доктор и жук-санитар не только излечивают заболевшую божью коровку и награждают ее «пятнистой от банок спиной», но и спешат на помощь всем прочим страждущим обитателям леса: «Хвалят соседи: / “Прекраснейший вид!” / А по тропе между елок / “Скорая помощь” дальше летит — / В роще чихнул олененок» [Пшеничный, с. 11]. Взаимоподдержка и безопасность — необходимые черты детского мира. Но важно также не забывать, что изображенная здесь утопическая жизнь — это переодетая, построенная на олицетворении и антропоморфизации человеческая жизнь. Маленькому читателю-слушателю так нужна волшебная сила фантазии, вымысла, превращающая насекомых и зверей в человеческие подобия!

Что, например, происходит в стихотворении о божьей коровке? Бедная букашка заболела, напившись холодной росы. Мгновенно примчавшаяся «Скорая помощь» привезла медицинский экипаж, и вот уже он в действии: «Бабочка-доктор и жук-санитар / Пишут рецепт на полянке: / “Вечером — ягоды, утром — нектар, / Срочно — стеклянные банки!”» [Там же, с. 10]. Все, как в человеческой (пусть идеализированной) жизни. Так же сказочно быстро выздоравливает больная: «Рада больная / — здорова она» [Там же]. Единственная неуязвка — остались следы от банок на спине. Но динамичный сюжет детского произведения подчиняется собственной логике, и вот уже выясняется, что пятна на спине не мешают, а напротив, украшают модницу: «Словно надела обновку!» [Там же]. Дети прекрасно понимают, что это выдумка, что так не бывает, но им страстно хочется верить, что так может быть, им хочется верить в сказочные чудеса, будящие воображение.

Наряду с антропоморфизацией и олицетворением в книге наблюдаются противоположные процессы, когда человеческое уподобляется звериному или заменяется последним. Так, развитая в ряде стихов тема спортивных игр оформляется посредством включения зооморфных аллюзий. Например, в стихотворении «На катке» мы встречаем начинающего конькобежца. «Посмотрите: у меня / Под ногами — два коня» [Там же, с. 22], — бодро и уверенно оповестил он присутствующих, но не учел, что, пока нет навыка, «не дружат кониптицы, / уплывают из-под ног»: «То один вперед умчится, / То другой уедет вбок» [Там же]. И вот уже незадачливый седок, обращаясь

к коням-конькам, взмолился: «Я стою на четвереньках: / — Пожалеите седока, / Прокатите хоть маленько, / Хоть до краешка катка!» [Пшеничный, с. 22]. В стихотворении «Теннис» нет упоминания о зверях, но художник-иллюстратор, почувствовав тенденцию, сопроводила стихотворение рисунком, на котором в теннис играют две обезьянки, а среди зрителей одни животные.

Идиллический хронотоп вовсе не означает идеальности изображенного детского художественного мира. Дети не любят казенных скрывающих правил, обыденности и скуки. Понимание этого привело к тому, что в книге Пшеничного нередко встречаются значимые нарушения, поведенческие особенности персонажей, которые выражают их индивидуальность и создают эффект привлекательности. Например, в стихотворении «Садовник» [Там же, с. 12] главный герой, образно определяемый как «парикмахер травы», в целом явно положительный персонаж: он «кормит белку», «лечит ветки у раkit» и вообще «природу уважает». Когда он стрижет своей «машинкой-тарахтелкой» газон, то непременно обходит и оставляет нетронутым «вихорок — васильковый бугорок», как сам он выражается, «для фасона». То есть такого рода стрижка газона — это его «бренд», примета личной манеры работы. В стихотворении «Щенок породы бигль» изображен охотничий щенок, отличающийся активностью и независимым нравом. Любящий все пробовать «на зубок», он изгрыз домашние тапочки, бельевые прищепки, прокусил мяч. Однако, застигнутый на месте преступления, всем своим видом демонстрирует полную безгрешность: «Мол, порода виновата — / Я тут вовсе ни при чем!» [Там же, с. 30].

Сколь далеко могут завести крутой нрав, независимость и тяга к самостоятельному принятию решений, демонстрирует стихотворение «Ванна у Ивана», героиня которого, ванна, как некогда кухонная утварь и посуда из известного стихотворения Корнея Чуковского «Федорино горе», сбежала из дома. Но если там посуда покинула кухню из-за нечистоплотности и бесхозяйственности Федоры, то Иванова ванна движима любовью к морю. «Жизнь без моря — не по мне!» [Там же, с. 18] — написала она в прощальной записке. Однако, попав на место, ванна обнаружила, что ее не устраивает море: «Мне такого моря мало — / Глубина его не та!» [Там же,

с. 19]. Путешественница решает продолжить свои поиски и шлет телеграмму домой: «Ты не жди меня, Иван, уплываю в океан. / Всем привет, целую — Ванна» [Пшеничный, с. 20]. Автору-рассказчику остается только озадаченно развести руками: «...Вот так ванна у Ивана!» [Там же]. Фантастические допущения, неуспокоенность и неутомонность характера главной героини, острые повороты динамического сюжета позволяют говорить об авантюрно-приключенческой жанровой основе этого замечательного стихотворения.

К безусловным достоинствам поэтического стиля А. Пшеничного в представленной книге является умение объективировать детскую точку зрения, способность поглядеть на мир глазами ребенка и, тем самым, приблизиться к его мировосприятию. Этому помогает простой и ясный язык, живой стихотворный размер. Активности детской моторики отвечает динамизм сюжетики произведений, конкретности мышления — предметность изображенных реалий. Достоверность и убедительность изображения обеспечиваются художественно продуктивной актуализацией идиллического хронотопа семьи и дома с гармоничным распределением ролей родителей, детей и друзей. Благословенный мир детства представлен в книге безопасным и счастливым. Он наполнен светом материнской любви, добром отцовской заботы, дружелюбием окружающих. Ребенок живет и действует в круге свойственных ему обстоятельств и действий. Авторская благожелательность насыщает его беззаботное существование ощущением полноты жизни, увлекает атмосферой захватывающей игры, приключения, настроением веселого праздника. Анализ показывает, что поэт прибегает к разнообразным жанрово-видовым модификациям стихотворений: в его арсенале — гимны и мадригалы, наставления и поучения, театрализованные сценки и ревю-шоу, бытовые и комические зарисовки, авантурные истории. Он с успехом использует утопические и фантастические решения, олицетворение и антропоморфизацию персонажей.

Источники

Пшеничный А. Почему у божьей коровки пятнистая спинка? М. : У нikitских ворот, 2021. 36 с.